

Младший брат фигуранта «баймакского дела» Ильяса Байгускарова в родительском доме / Все фото: ОВД-Инфо

07.03.2025, 13:25 Башкортостан

РЕПОРТАЖ

«Хотел намаз читать. Теперь читает его в СИЗО». Репортаж о том, как «баймакское дело» и война разрушают башкирские семьи

Год назад тысячи жителей Башкортостана **собрались напротив суда в городке Баймак. Они хотели поддержать национального активиста Фаиля Алсынова, которого приговорили к четырем годам колонии из-за двух слов на башкирском языке. В тот день народный сход обернулся жестким разгоном с задержаниями, дубинками и слезоточивым газом. После — обысками, снова задержаниями и арестами. В «баймакском деле» 81 фигурант. Двое мужчин умерли после задержания. Вместе с Асхатом, сыном одного из арестованных,**

**мы проехали всю республику, чтобы
встретиться с семьями, чья жизнь навсегда
изменилась после баймакских событий.**

КОРАН И ПЛАТЬЕ

В Уфе темнеет, улицы мегаполиса покрываются россыпью вечерних огней. Не по-зимнему тепло — на дорогах лужи, в снежной слякоти увязают машины и пешеходы. У обочины, поднимая волну грязных брызг, тормозит ярко-оранжевая «Калина».

Выходит Альмира. Полная, с веселыми карими глазами. Лицо обрамляет белый палантин-хиджаб, подколотый булавкой с блестящей искрой. Черный пуховик, черная длинная юбка. Альмира говорит, что выросла в деревне Сайгафар и там научилась водить. Говорит, что всего месяц назад получила права и выехала в большой город.

Ей 33 года, у нее трое детей и муж, который второй год сидит в СИЗО. Салават Елкибаев — один из десяти человек, которым предъявили обвинение в организации массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК). Сесть за руль Альмире пришлось после его ареста.

Она окончила вуз в Сибее (Башкортостан) и получила специальность «математик-программист». В университете Альмира увлеклась исламом, научилась читать намаз и покрыла голову платком. Вскоре после этого познакомилась с Салаватом — они сидели в одном чате в «аське». Он год провел в медресе, потом выучился на учителя арабского и обществознания. Встретились они только через год — от стеснения Альмира почти не поднимала глаз, но высокий темноволосый юноша ей сразу понравился.

В следующий раз Салават приехал со своими родителями к ее семье в Сайгафар. Там родные сразу сговорились

о мусульманском свадебном обряде «никах».

«Было очень волнительно, — рассказывает она и поправляет палантин у лица. — Мулла прочел молитву, подарили „махр“ (свадебный дар от мужа жене в мусульманской традиции — *ОВД-Инфо*): я попросила Коран и платье».

Через год у пары родилась дочь. Салават начал работать мебельщиком. До протестов в Баймаке в поддержку Фаиля Алсынова они прожили вместе одиннадцать лет.

ЗА ЧТО СУДИЛИ ФАИЛЯ АЛСЫНОВА?

Фаиль Алсынов — один из лидеров башкирских националистов. После университета вступил в национальную организацию «Кук буре». В 2014 году вместе с Русланом Габбасовым они создали ныне запрещенную и признанную экстремистской организацию «Башкорт».

В 2023 году в деревне Ишмурзино собрались местные жители, которых возмущало, что золотодобытчики собираются рыть около деревни новый карьер и добывать золото на хребте Ирандык. На этом сходе Алсынов выступил с речью на башкирском и сказал:

«Это же наш дом! Мы не можем переселиться! Армяне уедут на свою Родину, кара халык — к себе, русские — в свою Рязань, татары — в свой Татарстан. Мы не сможем переселиться! Наш дом — тут!»

Подготовивший «академический перевод» эксперт, сотрудник Башгосуниверситета Айнур Хужахметов перевел словосочетание «кара халык» как «черный народ» и указал, что она «соответствует значению слов „хачи“, „чурки“, „черномазые“».

Алсынов настаивал, что Айнур Хужахметов и Елена Кислова — эксперты, принимавшие участие в составлении нескольких экспертных заключений, которые легли в основу иска прокуратуры, — неверно интерпретировали его слова. Заявление на него написал глава республики Радий Хабиров.

В январе 2024 года активиста приговорили к четырем годам колонии по статье о «возбуждении ненависти» (282 УК).

«Когда Салават уже был там, мы узнали, что в Баймак со всех сторон идут автозаки, — вспоминает Альмира. — Люди снимали [дорогу]: автозаки ехали со стороны Оренбургской и Челябинской области. Мама моя Салавата предупреждала: „Кейәү, һаК бул“».

Разгон народного схода на поле у здания суда в Баймаке, 17 января 2024 года

В республике **глушили** связь. Вечером Альмире дозвонилась знакомая: она видела, как к обедающему в баймакском кафе Салавату подошли люди в черной гражданской одежде, обыскали и забрали его. Мужчине дали 10 суток по статье о неповиновении полиции (19.3 КоАП).

«Десять суток тянулись очень долго, — говорит Альмира. — На десятый день мои родители собирались ехать за ним. И вот утром мне сообщили из Белорецка [где он отбывал арест], что Салавата ночью забрали в Уфу. В одиннадцать утра он сам позвонил и сказал, что ему срочно нужен адвокат».

Альмира замолкает, переводит дух и продолжает: «Подруга приезжала два дня, кормила детей, смотрела за нами. Я была потерянная, не знала, что делать. Не могла ни пить, ни есть. Навалились дела Салавата — звонили его клиенты».

Родители мужа, по ее словам, происходящее переживают тяжело. Их старший сын вернулся с войны. В Украине он получил серьезное ранение, выплату в три миллиона и купил дом, звал Салавата с женой в нем жить. Думал, брата скоро отпустят. Сейчас он снова уходит на войну.

В декабре Альмире дали свидание с мужем. Накануне нашей встречи она хотела получить еще одно разрешение на свидание от следователя, но дело уже передали в суд.

«У наших [с Салаватом] родителей мне хорошо — это поддержка, — тихо говорит Альмира и смотрит в окно на скользящие в лужах машины. — Немножко морально отдыхаю. В Уфе я одна с детьми. Конечно, нам очень помогли родные, друзья, знакомые: кто — финансово, кто — продуктами. Но одиноко без Салавата. Дети — они все равно дети. С ними всем не поделишься».

ВЫ МОЖЕТЕ ПОМОЧЬ

Уже год мы защищаем 17 фигурантов «баймакского дела». Эти простые люди впервые столкнулись с судебной системой. Помогите им не остаться наедине с машиной репрессий.

ПОДДЕРЖАТЬ

ПИШИТЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мы **были** в Башкортостане год назад, во время баймакских протестов. Мы вернулись, чтобы встретиться с людьми, чьи близкие арестованы по «баймакскому делу» — семьи раскиданы по всей республике. До городов, отдаленных деревень и сел нам помогает добраться Асхат, сын Ильяса Байчурина, одного из фигурантов, который второй год находится в СИЗО.

Рано утром Асхат забирает нас из Уфы на своей белой «Ладе». Отец назвал его в честь товарища, с которым они вместе учились. Друзья условились назвать сыновей в честь друг друга, но у того рождались девочки. Теперь младший Асхат учит старшего пользоваться «Зонатеелекомом», чтобы тот мог поговорить с Ильясом. Байчурина обвиняют по статье об участии в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК) и о применении не опасного насилия к силовику (ст. 318 УК).

Асхату 36 лет. Смешливый. Кокетливо сдвинутая на лоб шапка. За правой мочкой маленькая татуировка в виде перечеркнутого рупора — в детстве из-за болезни оглох на одно ухо.

Асхат, сын фигуранта «баймакского дела» Ильяса Байчурина

«Почему отец тогда в Баймак поехал? — говорит он. — Да я ему как-то даже этот вопрос не задавал — прекрасно понимаю почему: просто он патриот. Я бы тоже поехал».

Летом Ильяса и еще нескольких фигурантов дела **этапировали** в Ижевск. Везли почти месяц, хотя от Уфы это пять часов езды на машине. Дела раскидали по судам разных регионов: в Самарскую, Оренбургскую области и Удмуртию. Уфимский адвокат Айдар Хызыров **объясняет**, что прокуратура добилась разделения людей на группы — их распределили между разными судами. Делалось это «во избежание действий по дискредитации судебной системы и оказанию давления на судей».

По мнению Асхата, власти опасаются новых волнений, поэтому выносят суды за пределы республики. Асхат говорит, что в Ижевске отцу сложнее: там нет ни радио, ни телевизора, ни связи.

Асхат — предприниматель: открыл в родном селе Акъяр бутик нижнего белья «Бретелька», там же организовал доставку тюльпанов на 8 марта, чтобы вахтовики могли поздравить своих

женщин, и основал студию депиляции — объясняет, что это для сестренки, которая этим делом увлеклась.

Несколько дней назад Асхат ездил в Ижевск, и они виделись с отцом — впервые с лета, когда Ильяс еще был в Уфе. «Там была девушка-конвоир, — рассказывает Асхат, — Я спросил, можно ли на родном языке говорить. Она отвечает: „Нет, только на русском“. Мы сперва так и начали, но потом все равно перешли на башкирский. Батя говорит: „Не надо было даже спрашивать у нее“».

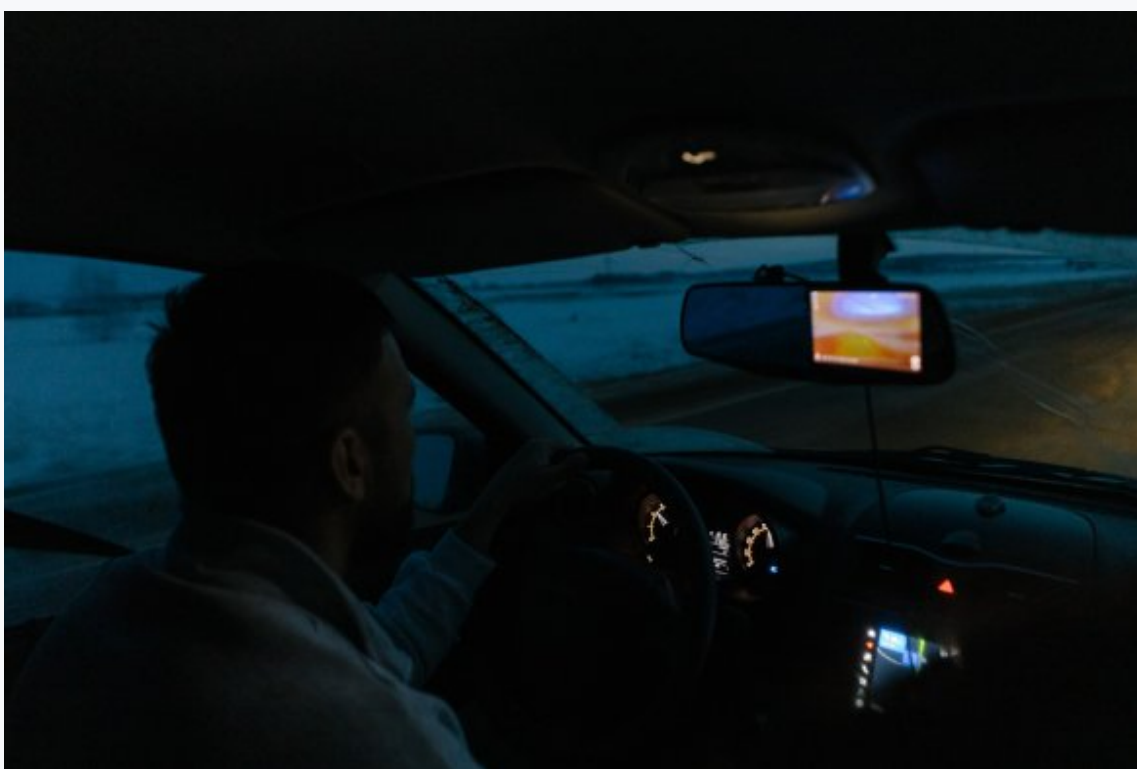
О языковых проблемах сообщают нам и другие семьи фигурантов «баймакского дела». Альмира говорит, что в ее детстве учили на башкирском, а теперь его убирают из школы. Дилара (имя изменено) рассказывает, что несколько месяцев писала мужу письма в СИЗО на башкирском, а он их не получал.

Об этом же говорит Гульшат (имя изменено): «Я писала ему, потом мне оттуда пришел ответ: „Пишите на русском языке“. Я-то ладно, ходила в русский класс. Не проблема, инде, но он же башкир. Это его язык. Пришлось и ему как-то, инде, справляться — парни [сокамерники], наверное, помогали».

По словам Асхата, пока отец был в Башкортостане, письма на башкирском еще проходили цензуру. Но в Ижевске, очевидно, никто башкирский не понимает.

«Не будет языка — пропадет и народ», — заключает Асхат.

Мы останавливаемся у обочины. Курим. Перед нами башкирские степи, на дорогах зыбкий туман, свежее утро, пахнет дымом. Стоим у дороги и смотрим на широкую белую равнину. На влажную землю ложится снег. За следующие пять дней мы проедем 1650 километров, встретимся с 15 людьми и запишем с ними больше 20 часов разговоров.

Асхат говорит: «Не так страшно сесть в тюрьму, сколько — остаться в одиночестве».

Его отец из большой семьи. Восемь сестер и братьев. Осталось пятеро, и один из них теперь в СИЗО. Асхат вспоминает, как в детстве долгими зимними вечерами, когда в башкирских деревнях выключали свет, отец брал гитару и играл «Машину времени», а семья слушала его при свечах.

За окнами «Лады» тоже темнеет, и я представляю себе, как хорошо должно быть видно звезды над башкирскими деревнями, когда везде гаснет свет.

ВЕСЬ МИР — ЭТО СОЗДАНИЕ ОДНОГО ВСЕВЫШНЕГО

Следующим утром мы едем вглубь республики. Вдоль трассы деревья в хрустальной изморози. «Лада» сворачивает вправо. Асхат удовлетворенно кивает: Ялчино недалеко от трассы, и это хорошо, потому что в глухих деревнях дороги такие, что машина пробирается с трудом.

Деревню окружают заснеженные холмы. Тут едва наберется двести жителей. За заборами торчат коровьи рога, выглядывают рулоны сена. В бесцветное небо смотрит полумесяцем башенка мечети. На фоне скромных деревянных домов и домиков на въезде в деревню выделяется здание библиотеки. За стеклом пластиковых дверей — две листовки с призывами отправиться на войну: «Каждый новый защитник родины, подписавший контракт, получит разово 2 000 000 рублей». Библиотека закрыта.

Ялчино

Здесь живут родители Ильгиза и Ильяса Байгускаровых. Ильяса задержали одним из первых — ОВД-Инфо [писал](#), что он пытался успокоить толпу и призывал людей расходиться по домам. Его обвиняют в организации протестов. Теперь он в СИЗО. За это время жена Илина родила дочь, а его барбершоп [«Караскал»](#) пришлось закрыть. Управлять им без Ильяса стало невозможно.

Первые месяцы его брат Ильгиз был невероятно активен. Общался с правозащитниками, координировал взаимопомощь, помогал искать арестованных, создавал чаты для близких и убеждал людей не закрываться от журналистов. Сейчас он выглядит уставшим и разочарованным. За несколько дней до встречи написал мне, что «отошел от дел».

Мы встречаемся в родительском доме. На полу ковры. Комнаты отделены друг от друга пестрыми шторами — дверей нет. На подоконниках — цветы. На столе — блюда с жареными пирожками и конфетами. Закипает чайник. Миляуша, мама Ильгиза и Ильяса, разливает чай, добавляет в него молоко.

Родительский дом Байгускаровых

В детстве Ильяс любил лошадей. Легко держался в седле. Лошадей звали Жади и Кугарсен — «шафран» по-арабски и «голубь» по-башкирски. Ильгиз к лошадям был равнодушен и больше любил читать. Ильяс в какой-то момент пришел к религии, стал ходить в мечеть и отпустил бороду. Ильгиз учит итальянский и английский, увлекается психологией, изучает ОРКТ-терапию и предпочитает дзен-буддизм, а в крошечной деревенской мечети был один раз — на никахе Ильяса.

«Брат думал, что готов к последствиям. После Куштау же только административки были, — рассуждает Ильгиз. — Для них это был обычный сход. Они же постоянно собираются».

У Ильяса был **блог** в Instagram, где он рассказывал про башкирскую культуру. Ильгиз говорит, что давно отписался. Их отношения с братом стали напряженными еще до ареста. «Нужно действовать слаженно — я пытаюсь это до него донести, а ему не нравится. Потом оказываюсь прав, а братишке больно, и он не хочет это признавать, — пожимает он плечами. — Обидно, конечно».

Ильгиз говорит тихо и задумчиво, часто делает паузы и смотрит в пол. За время нашего разговора он проковырял в обивке кресла небольшую дырку. Взгляд его кажется потухшим.

Ильгиз, брат Ильяса Байгускарова

Школьное фото Ильяса

Ильгиз

Фотографии Ильяса и Ильгиза из семейного альбома

«Люди были парализованы страхом, — вспоминает он первые аресты. — Были жены в совсем жертвенном и беспомощном состоянии. С ними приходилось быть строгим. Людей много — на всех времени не хватает. Какой смысл просто жаловаться?»

Некоторые обращались к психологам, и я тоже. Жалею, что перестал ходить. Осенью я сильно заболел из-за стресса».

На активность Ильгиза быстро обратили внимание чиновники и телеграм-каналы, которые связывают с властями: например, «Техас Хабирова» **называет** его «ушлым персонажем», «инфоцыганом» и пишет, что его действия могут привести к более суровому наказанию для брата. Заместитель руководителя администрации республики по внутренней политике Азат Бадранов, по словам Ильгиза, на собраниях с жителями республики называл его «provokatorom».

«После вашего текста опять напишут какую-нибудь фигню про меня. Было сложно разобраться со страхом, что любая причина, любое слово... Немного параноишь. У многих сейчас так. С этим просто приходится мириться», — вздыхает он.

Миляуша, мама братьев, увидела Ильяса на видео в ютубе еще в день приговора Алсынову, 17 января 2024-го — тот давал комментарии какому-то изданию. Удивилась. У женщины пятеро сыновей, из них всех в Баймак поехал только он.

«В этом году тяжело. Оказывается, другие года были хорошие», — коротко говорит она.

Миляуша, мать Ильгиза и Ильяса Байгускаровых

Хозяйство семьи Байгускаровых

«Мы сначала думали, что адвокаты нужны, потом оказалось, что их поставили в условия, когда они оказались бесполезны, — рассуждает Ильгиз. — Люди сроки получили, и непонятно, что к чему, как это работает. По-моему, никак не работало. Сейчас собираем деньги только на передачи. Люди устали, многие в долгах. Солидарности стало меньше. Люди затаились. Сейчас

я бы сказал: давайте сидеть без защиты. Зачем нужна защита при таких обвинениях?! Хотя, может, было бы хуже: люди были в отчаянии, начали бы лжесвидетельствовать. Поэтому защита, наверное, была нужна».

Парикмахерское ремесло Ильяссу пригодилось в СИЗО. Сейчас он стрижет других арестованных. Изучает Коран. Пишет письма близким. Ильгиз приезжает к родителям и младшим братьям на выходные. Говорит, взял шефство над курами на участке — ему их жалко. По его словам, стал в последнее время очень чувствительным. Считает, что лояльность народа по отношению к правительству пропадает, потому что люди «поняли, что законы не особо соблюдаются».

Многие наши собеседницы, наоборот, утверждают, что вопросы политики их не интересуют.

«Я даже не знала, кто такой этот Фаиль Алсынов. И муж не знал, что так будет, — говорит Гульшат (имя изменено). — Не люблю я Алсынова. В том, что с мужем происходит, виню только его. Может, я не права, не знаю. Запуталась. Обидно просто. Он сам сел на четыре года, а остальным большие сроки. Вот это обидно».

Зайнаб (имя изменено) тоже признается, что «политическая история» ее не волнует, в отличие от экологии: «Мама воспитывала нас в любви к природе, что весь мир — это создание одного Всевышнего».

Про экологию говорит и Альмира, которая приехала к нам на оранжевой «Калине»: «Когда Салавата задержали, позвонила тетя [из Оренбургской области]: „Чего он туда поехал? Что он там потерял?“ Я не знаю, что ей сказать. Чтобы поддержать человека, который защищал нашу природу, а его осудили ни за что», — вспоминает она.

Назира (имя изменено) рассуждает, что до уголовного дела у них с мужем были совсем другие планы: «Ипотеку оформили, думали, дом купим. Мы вообще этой политикой

не интересовались. Он хотел начать намаз читать. Теперь читает его в СИЗО».

ЭКОАКТИВИЗМ, ЮРИЙ ШЕВЧУК И КВАДРОКОПТЕРЫ

В селе Красноусольский за площадью с крошечным базаром, где женщины, кутаясь в шали, продают мед, стоит маленькая мечеть. В ней тихо и спокойно. Мы остаемся тут, чтобы поговорить с Юниром.

Красноусольский

Ему 54, втянулся в экологическую повестку после защиты Куштау. Пробыл на шихане несколько дней. Видел аресты, нападение на лагерь. Его самого два раза задерживали.

ПОЧЕМУ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ТАК АКТУАЛЬНА ДЛЯ БАШКОРТОСТАНА?

Башкирское Зауралье богато природными ресурсами. В регионе есть несколько карьеров и шахт, при этом добыча нередко ведется с нарушениями. Например, в прошлом году, по данным министерства природопользования и экологии Башкирии, к ноябрю **выписали** 865 постановлений о нарушениях природоохранных норм. В феврале 2025 года чиновники **сообщили** о 43 нарушениях, среди них — пользование недрами без лицензии и нарушения при размещении отходов. Экологические проблемы волнуют жителей республики, и они часто устраивают из-за этого народные сходы. Одним из таких стал сход в деревне Ишмурзино, на котором Фаиль Алсынов произнес речь, за которую его позже арестовали.

Самым известным и массовым экопротестом в республике стала борьба за сохранение шихана Куштау. На волне тех протестов появились два проекта, совместивших в себе экологический и гражданский активизм: «Зеленый щит Башкортостана» и «Республика».

Нам он сначала представляется другим именем, потому что не доверяет. Он из одной деревни с 26-летним Айнуром Каримовым, в Красноусольский мы приехали, чтобы встретиться с его женой Назирой (имя изменено). Она сирота, ее воспитывала бабушка. Юнир оберегает Назиру — сначала встречается с нами сам, и только потом разрешает поговорить с ней.

Он ездил на суды к Фаилю Алсынову и в день разгона народного схода вместе с Айнуром был в Баймаке.

Мечеть в Красноусольском

Юнир

«Мы еще не выехали, а ребята, которые приехали накануне ночью, говорили, что там столько полицейских! — Юнир разводит руками. — Специально готовились, провокаторов нагнали. Среди полицейских ночью ходили люди в гражданской одежде, кто еще это может быть?»

ЧТО ЗА ПРОВОКАТОРЫ?

Несколько участников народного схода в Баймаке говорили об участии провокаторов — людей, которые кидали снег и куски льда в толпу из-за спин силовиков. Спустя месяц после протестов телеграм-каналы опубликовали сообщения, в которых также говорилось, что 17 января в Баймаке за спинами полицейских действовали лица, которые «спровоцировали столкновения народа и ОМОН»:

»...крепкие ребята, многие из них в балаклавах. Именно они начали первыми кидать в толпу куски

льда в тот момент, когда ОМОН начал оттеснять людей от здания суда, чтобы вывезти Фаиля Алсынова. Люди начали кидать в ответ. Естественно, они не видели, что кидал не ОМОН, а провокаторы, поэтому снег и куски льда полетели в ОМОН. Так начались серьезные столкновения...».

Спустя неделю после этих сообщений гражданская активистка и журналистка RusNews из Уфы Ольга Комлева опубликовала обращение к министру МВД по Башкортостану Александру Прядко, в котором попросила «объяснить действия сотрудников МВД в Баймаке 17 января 2024 года». Сейчас Комлева находится в СИЗО по делу об участии в ФБК.

По словам Юнира, его тоже искали после схода, но в итоге дали только пять суток административки. Айнура арестовали по обвинению в насилии к представителю власти и участии в массовых беспорядках.

У Айнура и Назиры трое сыновей: старший первоклассник, средний ходит в садик, младшему — год. Назиру поддерживают Юнир и пожилая мама Айнура — женщина продала скотину и переехала из деревни, чтобы помогать невестке. Устроилась в больницу мыть полы.

Юнир возмущается, что судья спрашивал Назиру, почему они с мужем живут гражданским браком. Девушку вызвали в качестве свидетельницы на заседание о мере пресечения. По словам Юнира, когда та ответила, что никах для мусульман — так же свято, как ЗАГС, судья стал кричать, что все должно быть по российским законам. «И они с прокурором сидят и улыбаются, вообще не скрывают своего отношения. Адвокат не выдержал: „Вы зачем на девчонку напали? Зачем такие вопросы задаете?“, — вспоминает Юнир.

Назира рассказывает, что у мужа грыжа позвоночника с 2015 года. Два раза в год они ездят в Стерлитамак делать блокаду. В 2017 году у Айнура отнялись ноги, и он не мог ходить. В СИЗО держится на обезболивающих.

Молельный зал мечети, где мы сидим, заполняют два десятка разновозрастных мужчин. Справа от входа за шторой собираются около десяти башкирок, в основном пожилых. Они расстилают перед собой коврики. Маленькая женщина что-то нашептывает, потом складывает морщинистые ладони лодочкой и подходит к каждой из нас. Она лучисто улыбается, смотрит в глаза, касается теплыми ладонями моих. Начинается молитва.

Когда мы уезжаем из Красноусольского, за нашими спинами остается баннер с налипшей на него дорожной грязью, там написано: «2024 год — год семьи». Через несколько метров — биллборд в цветах милитари: реклама контрактной службы.

Баннер «Год семьи» на выезде из Красноусольского

Война — фон почти всех наших разговоров с близкими фигурантов «баймакского дела». К примеру, у Юнира во «ВКонтакте» репосты из местной экоактивистской группы и фото музыканта Юрия Шевчука перемежаются со сборами на квадрокоптеры для армии РФ и с роликом «России-24», где российские солдаты поют военные песни в Донецкой области.

Залия, жена **Халида Ишкуватова**, рассказывает, что когда ее мужа арестовали, с кредитами и оплатой адвоката помогал брат. Он ушел на войну по мобилизации в сентябре 2022, а в сентябре 2024 погиб.

«Мы его еще не похоронили даже, — говорит Залия. — Его еще не привезли. Не нашли. Муж постоянно спрашивает в письмах, как он, вышел ли на связь? Но я ему не говорю. Он чувствует, наверное, что-то. Но ему и так там тяжело. Будет ведь еще тяжелее. Из нашей деревни, где мы с братом родились, семеро мобилизованных было. Осталось двое. Все погибли».

ФАИЛЬ АЛСЫНОВ И ВОЙНА В УКРАИНЕ

Сам Алсынов осенью 2022 года выступил против войны и мобилизации. Мобилизацию он **назвал** «геноцидом» башкирского народа. Спустя несколько дней его задержала полиция. *Idel.Реалии* передавали, что на мужчину составили два административных протокола: за нарушение правил тонировки автомобиля и за неповиновение сотрудникам полиции. В декабре его вновь задержали и **завели дело** по статье о «дискредитации» армии — за то же обращение.

Накануне приговора Алсынову в интернете появилось видео, где несколько мужчин в балаклавах и военной форме, утверждающих, что находятся «в зоне боевых действий» поддерживают его: «...нашему парню предъявили статью и хотят вынести приговор. Из-за этого мы решили записать видеообращение. Мы с моими сослуживцами давно знаем Фаиля Алсынова. Это наш открытый и добрый парень. Переживает за родной Башкортостан, старается ради него. И его хотят приговорить на 4 года. Мы против этого...», — говорится в подписи к ролику.

17 января, в день схода в Баймаке по государственному башкирскому телевидению «БСТ» показали сюжет «Приговор экстремисту», где говорилось, что «враги России должны быть наказаны», Алсынов сотрудничал с «зарубежными спецслужбами» и поддерживал ВСУ. Там же показали обращение военных, которые резко критиковали как самого Алсынова, так и людей, выступающих в его поддержку.

В тот же день в телеграм-канале «Башкирский батальон» появилось сообщение чиновника Артура Юмагужина. Он заявил, что видео — фейк. Следом опубликовали другой ролик — бойцов добровольческого батальона из Башкортостана. Там мужчины в балаклавах резко критиковали Алсынова, называли экстремистом и призывали не доверять ему. Такие ролики **появлялись** в канале весь день — на русском и башкирском языках, в них Фаиля также называют «провокатором» и «экстремистом».

»...Знайте, мы находим их здесь и выявляем, и нам не составит большого труда найти по следам этих шакалов. Это только вопрос времени, когда мы вернемся с победой домой, мы найдем каждого из вас. Победа будет за нами. Те, кто хочет присоединиться к рядам тех, кто воюет против нас, должен знать, вы воюете против своих», — **приводит** слова одного из них издание «Пруфы».

По словам родных Даниса Гайсина, он вообще поехал в Баймак, «чтобы не было митингов и беспорядков» и «чтобы люди не кричали там насчет СВО». Мы встречаемся с ними — Алисом, отцом Даниса, и сестрами Эльзой и Алисой — в Мурсалимкино. Это село на две тысячи жителей — грязно-

серые хрущевки, растянутое на столбах белье, во дворе играют дети. У Даниса шестеро детей, один из них с инвалидностью.

Мурсалимкино

«На Курбан-байрам всегда барашка резал, раздавал нуждающимся мясо, читал намаз. Когда был коронавирус, ходил по бабушкам и продуктами помогал. А когда началась СВО, всегда помогал финансово, собирал гуманитарную помощь», — рассказывает про брата Алиса, она учительница русского языка и литературы для башкироязычных детей. У нее темные глаза и волосы, она одета в строгое серое платье.

У Эльзы рыжие волосы, серые глаза и тонкие брови, мягкая и осторожная улыбка. Она вспоминает, как прошлой зимой с двумя детьми ушла от мужа, а Данис с отцом помогали переехать. 17 января стала клеить обои в новом доме. А потом арестовали брата — Эльза говорит, руки опустились, и часть стены голая уже больше года.

На первый суд их не пустили. Даниса вывели в наручниках, спереди и сзади шли двое полицейских. Эльза хотела подойти

к брату — полицейский поднял на нее дубинку: «Не подходи!» После этого у Алиса случился инсульт. Больше его на заседания не берут.

«Я ездила в Уфу, пыталась встретиться со следователем, — говорит Эльза. — Хотела устроить свидание отцу и брату. Папа очень плохо себя чувствовал. Следователь сказал писать заявление главному следователю. Я там описала, что отцу сильно плохо — не дай бог они не встретятся. Отказали. Опять поехала, снова писала, слезы капали на эту бумажку. К [Игорю] Хованскому (полковник, возглавляет следственную группу по „баймакскому делу“ — *ОВД-Инфо*) ходила — не впустили. Я там в коридоре плакала, истерила».

Алис, отец Даниса Гайсина

Эльза, младшая сестра Даниса

Алиса, старшая сестра Даниса

Мама Даниса и Алисы с Эльзой давно умерла. Данису было семь, когда это случилось. После смерти мамы он замкнулся в себе и долго молчал. Девятилетняя Алиса с отцом взяли на себя заботу о младших. Эльзе было три, десять лет ей говорили, что мама лежит в больнице

Детское фото Даниса из семейного альбома

«Тяжелое время, — вздыхает Алиса. — Перед новым [2024-м] годом двоюродный брат умер на СВО — 30 декабря были похороны. Другой брат там пропал без вести. Один из них еще

в 2014 году там был — как это началось, он туда ушел. И там же Айрат, друг детства Даниса, погиб. Они вместе росли, как родные братья. Все бы друг для друга сделали. Брат не знал, что он ушел, а Айрат не знал, что брат туда поехал. Они скрывали друг от друга, потому что Данис не дал бы ему уйти на СВО, а Айрат не дал бы Данису в Баймак ехать».

В июне прошлого года Эльза пыталась поговорить с Радием Хабировым. Глава республики приехал на праздник Сабантуй в село Малояз. Эльза вспоминает, что прорваться через охранников было тяжело. Она пробежала перед сценой, вышла к нему навстречу, крича: «Можно задать вопрос?»

«Хабиров ко мне нагнулся, — говорит Эльза. — Я сказала, что по „баймакскому делу“ задержали моего брата, многодетного отца. Он ответил: „Суд все решит“. И охранники меня утащили. Вскоре меня вызвали в администрацию [Салаватского района]. Там был [глава района] Марс Кашапов. Сказал, что брата посадят. Мол, сам виноват. Отчитал меня, как девчонку».

В конце декабря семья все-таки добилась свидания для Алиса.

«Переживаем, конечно, а все равно улыбаемся, — вспоминает встречу с сыном Алис. — Вижу по глазам, что он грустит. Сзади меня окно на улицу, за окном светло, снежные сугробы, ходят люди. Вижу, он постоянно туда смотрит — он же там этого всего не видит».

На первый год работы адвоката Гайсины собрали сто пятьдесят тысяч рублей. Сейчас им нужно собрать триста тысяч.

«Наш адвокат еще по-божески берет. Наш адвокат — хороший адвокат, он знает, что у нас денег нет», — говорит Эльза.

ПОСЛЕ ВСКРЫТИЯ ЗАШИВАЛИ НЕРОВНО

Один из фигурантов «баймакского дела» мертв — это Рифат Даутов, он погиб во время задержания. Есть еще один

погибший — Минияр Байгускаров, который повесился после встречи с силовиками, но его статус в деле неизвестен.

Telegram-канал «Техас Хабирова» писал, что Даутов отравился алкоголем. В канале выложили **видео**, где люди рассказывали, что мужчина вел себя «как пьяный».

За доброе имя брата сейчас борется его сестра Залия. Ей 32 года. Воспитывает сына. Один из последних снимков в соцсетях — с Рифатом. Подпись: «Похороны прошли в кругу семьи. Спи спокойно Ағайым».

По словам Залии, в день протестов Рифат Даутов проходил в Уфе медосмотр перед отправкой на вахту

Она уверена, что брат не пил. Об этом говорят не только близкие, но и **коллеги**, которые «ни разу не видели его пьяным». Позже экспертиза **подтвердила**: в его крови не было ни алкоголя, ни наркотиков. Тело сестре показали в феврале.

«Ноги были отбиты в мясо, — говорит Залия. — На груди небольшой синяк. На голове гематома, в морге сказали, мол, это после вскрытия зашивали неровно. На руках круглые отметины

с двух сторон между большим и указательным пальцем. Сказали, это от наручников, но от наручников у него были следы на запястьях. Когда я пересказала это адвокату, он ответил, что от наручников таких следов не бывает. Когда я попросила перевернуть брата и осмотреть его спину, мне сказали, что после вскрытия, не дай бог, что-нибудь вывалится».

Залия с адвокатом потребовали провести дополнительную экспертизу: подозревали пытки током. Написали заявление на привлечение своего специалиста — его отклонили. После официальной экспертизы независимому специалисту так и не дали увидеть тело.

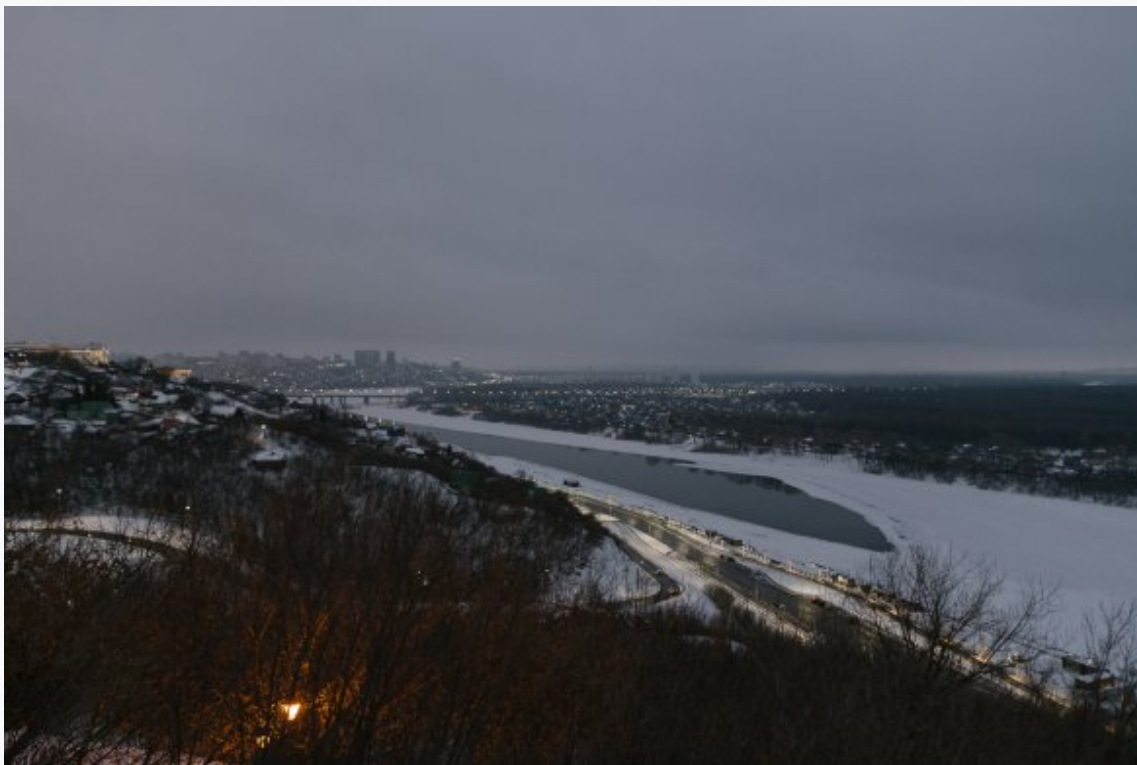
Когда тело Залие все же показали, сотрудники морга стали настаивать на скорейших похоронах, иначе «его утилизируют». Как вспоминает Залия, начались звонки с утра до ночи от разных людей, обладающих властью. Они говорили, что организуют похороны. После отказа настойчиво продолжали звонить. Ночью приехали на «ГАЗели», рассказывает Залия, сказали: «Поехали забирать!» При этом ранее в морге отказывались выдать тело, ссылаясь, что учреждение работает только днем. Людей на «ГАЗели» Залия прогнала. Она предполагает, что так семье мешали провести независимую экспертизу.

Вскоре состоялись похороны. От самой Уфы, где живет Залия, до поселка, где живут родители, а потом и на кладбище их сопровождал полицейский патруль. Поселок оцепили с двух сторон. Главная поселковая улица, по словам Залии, тоже была оцеплена «гражданскими машинами с замазанными номерами». Такая же была на кладбище. Из-за оцепления не все близкие смогли добраться.

Только в октябре независимый эксперт исследовал фото, видео и уже готовый материал предыдущих экспертов. Он **заклучил**, что ударов было «не менее 48», а площадь поражения тела — «не менее 30%».

Залия полгода добивалась результатов расследования. Она говорит, что следовательница из Белорецка игнорировала просьбы и не отвечала на звонки.

«В итоге я их, наверное, достала за полгода, и они меня позвали в Белорецк, — говорит Залия. — Там мне показали фотографии человека в балаклаве и красной куртке. Я говорю: это не он, брат невысокого роста, а там крупный мужчина. То есть вы перепутали, и поэтому мой брат погиб?»

Уфа

Осенью ее пригласили в Следственный комитет. Сказали, из расследования следует, что Рифат умер сам. Поэтому нужно писать отказ на возбуждение уголовного дела. Залия не согласилась и отказ писать не стала. Она говорит, что все еще не получила ответы: почему Рифата задержали, если его не было ни в Баймаке, ни на уфимском сходе 19 января? Она все еще боится за свою семью. Она хочет узнать, кто причастен к смерти брата и почему никто не понес наказания.

Предложение хореографа и танцора Рифа Габитова почтить память Даутова минутой молчания на заседании «Всемирного курултая башкир» в феврале прошлого года Радий Хабиров назвал «отвратительным и бессовестным»:

«...вы предлагаете почтить память человека, который обвиняется в тяжком преступлении <...> уже первые результаты экспертизы показали, что нет ни гематом, ничего <...> Вы там американскую историю посмотрите, про одного наркомана, что после этого было (очевидно, имеются в виду протесты после смерти Джорджа Флойда — мужчина погиб во время задержания в 2020 году — ОВД-Инфо)», — **сказал** он.

Летом прошлого года и. о. руководителя администрации главы Башкирии Азат Бадранов и председатель башкирского СПЧ Зульфия Гайсина провели несколько встреч с родственниками фигурантов дела (мы подробно **писали** про эти встречи). Чиновники призывали убедать близких признать вину.

По словам Бадранова, по тем, кто «под общим азартом что-то кинул в сторону Росгвардии или ОМОНа, либо присоединился к драке, но при этом совершил преступление в первый раз, но характеризуется положительно <...> мы проводим работу, чтобы не было реальных сроков <...> при признании вины и заключении сделки со следствием есть механизм, что им могут дать либо штраф, либо условный срок». Аудиозапись разговора есть в распоряжении ОВД-Инфо.

На просьбу поговорить с ОВД-Инфо Азат Шамилевич ответил: «Вы же СМИ-иноагент, поэтому я комментарии давать не буду. Это моя принципиальная позиция, я участник СВО и государственник до мозга костей, поэтому никакого сотрудничества и комментариев не будет». Должность он действительно **получил** в апреле 2024 года, когда вернулся с войны.

«Долгое время шла пропаганда исключительности отдельной нации, пропаганда, что Башкортостан должен отделиться, — сказала ОВД-Инфо Зульфия Гайсина. — За это человек (Фаиль Алсынов — *ОВД-Инфо*) был осужден. Практически никто из тех, кто сейчас находится на скамье подсудимых, не знал, за что осужден человек, занимавшийся экстремистской деятельностью: все считали, что он защищает природу, но это совершенно не так. Обвинительный приговор не из-за того, что он одно слово сказал».

По словам Гайсиной, ни она, ни Бадранов не обещали жителям условные сроки в обмен на признание вины, ведь «такое обещание является буквально мошенничеством — никто не имеет права влиять на суд». По ее мнению, издания, которые приписывают им эти слова, «не стоит доверять».

Вместе с чиновниками на встречах была журналистка государственного телевидения «БСТ» Рита Уметбаева. «БСТ» освещал баймакские события: вечером 17 января там вышел сюжет под названием «приговор экстремисту». В ответ на мою просьбу о комментарии Уметбаева сначала написала, что находится в командировке, а потом перестала отвечать на сообщения и звонки.

Весной прошлого года башкирские активисты **обнаружили** в сувенирных лавках Уфы шоколад «Атай» с портретом Радия Хабирова. Они предложили заменить снимок на фото фигурантов «баймакского дела» и **распространили** ролик с альтернативными обертками и подписью: «Год семьи — без отца».

НИЧЕГО НЕ ОСТАЛОСЬ

В Баймаке, на площади перед серым двухэтажным зданием суда усиливается ветер. Здесь год назад началось «баймакское дело». Там, где были тысячи людей, сегодня только снег. За зданием суда красный ангар и кирпичный недострой, дальше — промзона.

Баймак

Автовокзал Баймака

Баймакский районный суд

Шлаковые отвалы в центре Баймака

Улицы Баймака

Пастбище по дороге в Баймак

У вокзала мы встречаемся с Гульшат (имя изменено), чьи письма мужу на башкирском не пропускали в СИЗО. Ее ждет долгая дорога в Ижевск — на суд к мужу. Гульшат говорит с видимым трудом, словно подбирая слова: «Люди боятся. Все напуганы. Год сидели, молчали. А сейчас куда еще молчать? Хватит молчать, говорить надо. Я не остановлюсь. Я буду бороться за мужа».

Она знает, что заседание, скорее всего, закроют, но все равно едет — обещала мужу. Его забрали на следующий день после схода. Дома вместе с ним был только сын. Он сказал, что отца при задержании били.

Гульшат слышала, что задержанных избили еще и в отделе полиции — «не наши баймакские, а именно приезжие парни — из Магнитогорска, Орска». Об избиениях в ОП говорят близкие и других фигурантов — например, родственники Дима Давлеткильдина **публиковали** документы из больницы, куда его госпитализировали после задержания.

«Иногда думаю, их мать не рожала что ли, эти органы? Такая жестокость. Что избили, этого никогда не забуду, мне кажется,

им слезы отольются», — шепчет Гульшат.

Свидание получилось организовать только раз — еще в Уфе. Рядом были следователь и адвокат. Разрешили говорить на башкирском. Следователь показался ей добрым, пожелал удачи.

«Я выплачиваю кредит на машину — 400 тысяч. Адвокату на дорогу каждый раз надо давать — 10 тысяч каждая поездка. Я не успеваю получать зарплату, как отдаю долг, потом беру в долг, отдаю адвокату и снова так. На адвоката я потратила 300 тысяч. Обручальные кольца сдала. Ничего не осталось», — говорит Гульшат.

Гульшат — бюджетница, но мы не можем написать, где она работает, потому что «Баймак маленький, все друг друга знают». Она говорит, что получает в среднем тридцать тысяч рублей. Ни местные чиновники, ни журналисты, по ее словам, к ней не обращались — «нет, даже близко».

Муж, по его рассказам, в заключении болеет. На последнем суде его знобило, а медицинской помощи нет. Гульшат отправила ему таблетки, а теперь плачет из-за того, что ничем не может помочь: «Конечно, все это никогда не забудется. Соседи спрашивают, как дела у него. А какие дела могут быть там? Чего спрашивать, там хорошо не бывает».

Гульшат, жена одного из фигурантов «баймакского дела»

Залия, жена Халида Ишкуватова

Дилара, жена одного из фигурантов «баймакского дела»

Почти все женщины говорят нам об одном и том же: не хватает денег на адвоката и передачи, государство обещало, но никак не помогло, многих били, здоровье мужей в заключении ухудшается.

Дилара (имя изменено) — ее муж сейчас в оренбургском СИЗО — рассказывает, что каждый месяц пытается получить пособие, но ей все время отказывают. Она обращалась к Бадранову, «потому что денег критически не хватает»: «Сказал: поможем. Но ничего не произошло». Дилара работает в детском садике, зарплата 20-25 тысяч рублей.

Залия Ишкуватова, чей брат сначала помогал ей после ареста мужа, а потом погиб на войне, говорит, что потратила на адвоката около миллиона рублей. Продала все, что нашла на участке: надувной бассейн, запасное колесо автомобиля. Машину мужа тоже продала. Но деньги все еще нужны на посылки для него — продукты и витамины.

«Самое страшное, чего я боюсь, что их отправят на СВО. Ему предлагают — каждый день, он так и сказал», — говорит Дилара.

Приговор ее мужу еще не вынесли.

Приговор мужу Гульшат, которую мы провожаем в Ижевск с баймакского вокзала, переносят на два дня. Она съездила зря, потом вернулась домой, потом снова поехала в Ижевск — мужу дали четыре с половиной года.

Пустое поле у здания суда в Баймаке спустя год после разгона народного схода, февраль 2025 года

* * *

Мы с Асхатом сидим в машине. Скоро прощаться. Благодаря его помощи нам удалось доехать до отдаленных деревень и сел. Он заходил к людям вместе с нами и легко находил с ними общий язык — буквально, друг с другом они говорили на башкирском. Обсуждали, как близкие переносят заключение, как проходят свидания, чего ждать от судов.

Асхат, всю дорогу улыбчивый и словоохотливый, становится серьезным и мрачным.

Он говорит: «Ты спрашиваешь, как за этот год изменилась жизнь. Ничего делать не хочется. Жизнь будто остановилась, и у тебя одна цель — вытащить своих близких. Раньше я постоянно пытался что-то делать, были планы — сейчас

этого нет. Ты постоянно думаешь, как он там. Хочется на море съездить, но думаешь: батя на нарах чалится, а сын на море чилит».

Марина-Майя Говзман

**Адвокаты от ОВД-Инфо защищают 17 фигурантов «баймакского дела», в том числе трех упомянутых в тексте: Салавата Елкибаева, мужа Альмиры; Ильяса Байгусарова, брата Ильгиза; Даниса Гайсина, с чьими сестрами и отцом мы встречались в Мурсалимкино. Помочь задержанным можно [здесь](#).*